

1

Мы и представить себе не могли, когда входили в ворота парка ужасов, что через несколько часов все будем лежать в гробах!

В нашей семье Моррис я самая спокойная. Про меня всегда говорят: «Лиззи ничем не проймешь». Ладно, попробую рассказать эту историю без истерики. Только боюсь, не получится...

Мы никогда не думали, что окажемся в этом ужасном парке. Да что там говорить — мы даже не подозревали о его существовании! Просто решили съездить в зоопарк.

Встали с утра пораньше, влезли впятером в маленькую папину «тойоту» и покатали. Папа, естественно, забыл взять карту. Но мама сказала, что мы и так все найдем — ведь там везде сплошные указатели.

Однако мы давно уже должны были доехать до места, а никаких признаков зоопарка не обнаруживалось.

Папа рулил, мама сидела с ним рядом, мы втроем — сзади. Я и мой брат Люк по бокам, а Клай, друг Люка, посерединке.

Меня совсем затиснули в угол. Вернее, я сама затиснулась, потому что находиться рядом с Люком абсолютно невозможно. Особенно в машине. В нем чересчур много энергии, хотя ему только десять лет. И вообще он ужасно глупый.

Чем дальше мы ехали, тем больше он всех нас доставал. Сначала подрался с Клаем. В такой-то тесноте! Потом они стали бороться — кто кого перетянет. И до того меня затолкали, что я взбесилась и начала орать.

— Давайте поиграем в алфавит,— предложила мама.— Посмотрите-ка в окно. Кто какие буквы видит?

— Нету там никаких букв,— заныл Люк.— И указателей нету.

— И вообще ничего нету,— поддакнул Клай.

Ну, это точно. Мы как раз ехали по пустынным полям. Только кое-где торчали скучные деревья. И все. Абсолютная пустота.

— Мне кажется, здесь надо повернуть,— сказал папа.

Но вместо этого он стянул с головы бейсболку и поскреб свои редкие желтые волосики:

— Впрочем, кажется, я сюда уже поворачивал.

Папа у нас единственный блондин. И мама, и я, и Люк — все с темными прямыми волоса-

ми, голубоглазые. А папа будто не из нашей семьи. Мы трое — высокие, тонкие, белокожие. А он маленький и ширококостный, с круглым и почти всегда красным лицом. Я люблю над ним подтрунивать: он выглядит как настоящий боксер, ни за что не догадаешься, что он управляющий банком.

— Да, теперь я уже не сомневаюсь, что мы здесь были,— удрученно повторил папа.

— Трудно сказать,— отозвалась мама, оглядывая пустынные поля.— Кругом все одно и то же.

— Успокоила,— пробормотал он.

— А что я еще могу сказать, если ты забыл на кухонном столе карту? — огрызнулась мама.

— Может, это ты ее забыла,— парировал папа.

— Только мне и забот, что следить за картой! — взорвалась мама.

— Кончайте базар,— вмешалась я.

Если они сцепятся, их не остановить. Лучше уж сразу на них прикрикнуть, пока не распались.

— Я Взбесившийся Щипатель! — вдруг завопил Люк.

Он издал боевой клич и стал без остановки щипать Клая за бока и за руки.

Этот его бзик я больше всего ненавижу. Мне оставалось только радоваться, что я не сижу с ним рядом. Единственный способ успокоить Люка в этот момент — врезать ему

как следует по шее. А Клай стал визжать и хохотать. Для него любой прикол Люка — это класс. Он всегда в восторге от дурацких штук моего брата. Неудивительно, что и Люк от него в восторге.

И они давай щипаться изо всех сил. Потом Люк толкнул Клая на меня.

Я как заору:

— Не приставай! — И отпихнула Клая обратно. Хотя знала, что им только этого и надо.

А что еще оставалось делать? В машине было ужасно жарко, мы ехали уже несколько часов.

— Лиззи! Мальчики! А ну-ка охолоните! — скомандовал папа.

— Так сейчас не говорят: «охолоните», — спокойно и вежливо ответила я.

Папа ужасно разозлился. Прямо заревел, как бык, и сразу стал весь ярко-красным. Естественно, я понимала, что он злится не на меня, а на то, что никак не может найти дорогу в зоопарк.

— Ну-ка, все сделали самый глубокий вдох и замолчали, — потребовала мама.

— Ай!.. А он опять щиплетя! — взвизгнул Клай и изо всех сил пихнул Люка.

— Это он щиплетя! — еще громче завизжал Люк и тоже его пихнул.

Мальчишки иногда бывают настоящими кретинами.

— Эй, смотрите, какой-то знак! — воскликнула мама.

Впереди действительно появился большой зеленый щит. Клай с Люком перестали щипаться. Папа вытянул шею над рулем и, глядя сквозь лобовое стекло, прищурил глаза.

— Ну что, там написано, где зоопарк? — спросил Люк.

— И где мы находимся? — подхватил Клай. Проезжая мимо щита, мы успели прочитать: «Сдается в аренду».

Все хором издали разочарованный стон.

— Бешеный Щипатель идет в атаку! — закричал Люк и яростно ущипнул Клая за руку.

Я же говорила, что от него не отвяжешься.

— По-моему, эта дорога вообще никуда не ведет, — сказал папа и нахмурился. — Придется вернуться на шоссе. Если, конечно, мы его найдем.

— Мне кажется, гораздо умнее спросить у кого-нибудь дорогу, — предложила мама.

— Спросить дорогу? У кого-нибудь?! — взорвался папа. — Да разве здесь есть хоть кто-нибудь?!

Он снова побагровел и взял руль левой рукой, чтобы погрозить кулаком неизвестно кому.

— Я имела в виду, если встретится автостанция, — миролюбиво сказала мама.

— Автостанция! — Папа потерял всякое терпение. — Да здесь даже растительности нет!

Он был прав. Я взглянула в окно. По обеим сторонам дороги — только белый песок.

Солнце уже так жарило, что песок блестел до боли в глазах. Можно было даже подумать, что это снег.

— Похоже, мы слишком забрали к югу,— сказал папа.— А там сплошные пустыни. Надо поворачивать на север.

— Да, давай назад,— согласилась мама.

— Мы что, заблудились? — испуганно спросил Клай.

Я давно знаю, что он не из храбрых. Его напугать — раз плюнуть. Однажды я подкралась к нему в темноте у нас во дворе и прошептала: «Клай!» Он так газанул со страху, что чуть не выскочил из собственных ботинок.

— Пап, мы заблудились? — повторил и Люк.

— Похоже на то,— как ни в чем не бывало ответил папа.— Самым безнадежным образом.

Клай охнул и заерзал на сиденье. И сразу стал похож на тающее мороженое.

— Ну что ты говоришь! — возмутилась мама.

— А как я должен говорить? — снова взорвался папа.— Зоопарка здесь нет и не предвидится. Здесь вообще никогда не ступала нога человека. Мы в пустыне и мчимся в никуда.

— Значит, надо немедленно повернуть назад,— мягко сказала мама.— Мы обязательно кого-нибудь встретим. И нечего разыгрывать трагедию.

— Все мы умрем в этой пустыне,— страшным голосом проговорил Люк.— Стервятники выклюют нам глаза и разорвут нас на мясо.

Да, у моего брата неподражаемое чувство юмора. Вы представить себе не можете, что значит постоянно жить рядом с этим ненормальным.

— Люк, ты ведь не будешь больше пугать Клая? — осторожно сказала мама и обернулась к Люку с просительной улыбкой.

— А он меня не пугает,— отозвался Клай. Но было видно, что он ужасно боится. Его круглое лицо побледнело. Глаза за стеклами очков часто моргали. Эти очки и торчащие как перья короткие белобрысые волосы делали его страшно похожим на разбухенную днем сову. Тихо ругаясь, папа остановил машину, развернулся, и мы покатали назад.

— Хватит, погуляли,— проворчал он сквозь зубы.

Мама взглянула на часы:

— Ой, да у нас еще уйма времени!

Солнце приближалось к полудню и стояло почти над головой. Крыша машины была открыта, и я чувствовала, как сильно оно припекает.

Так мы ехали еще полчаса. Брат предложил Клаю поиграть в города, но тому было не до игр. Он неотрывно смотрел через стекло, как проносились мимо пески, и поминутно приставал с дурацким вопросом:

— Мы все еще не нашли дорогу?

— Пока нет,— так же занудно отвечал папа.

— Ничего страшного, найдем,— уверяла мама.

Наконец стали появляться тощие деревца. Потом пески стали перемежаться полями с небольшими пучками кустов и деревьев.

Я сидела молча, зажав ладони между колен, и смотрела по сторонам. На самом деле я вообще не волновалась. Просто мне ужасно хотелось, чтобы поскорее показалась какая-нибудь автостанция или ларек. Ну хоть что-то человеческое!

— Есть хочу! — вдруг заныл Люк.— Наверное, пора обедать.

Папа тяжело вздохнул, словно спустившаяся шина, заехал на обочину, остановил машину и потянулся через маму к бардачку для мелких вещей.

— По-моему, здесь была какая-то карта,— пробормотал он.

— Нет там ничего. Я уже смотрела,— сказала мама.

Они снова начали препираться. Я стала смотреть вверх, чтобы только не видеть всего этого.

И как вскрикну!

Над нашей машиной нависла огромная открытая пасть какого-то чудища. Горящие глаза уставились прямо на меня!

Я открыла рот, чтобы заорать погромче, но голос пропал. Монстр глядел на меня через открытую крышу машины. Огромный, как дом. Злые красные глаза и голодный оскал острых зубов.

— П-пап! — наконец выдавила я.

Папа усиленно рылся в бумажках, которые вытащил из бардачка, и даже не поднял головы. Но тут взвыл Люк:

— Вау!

Обернувшись, я увидела, что он тоже смотрит вверх, и его голубые глаза вытаращились от ужаса.

— Мам! Пап! — заорала я с такой силой, что чуть не лопнула от натуги. Я думала, у меня сердце разорвется.

— Лиззи, ну разве можно так кричать! — рассердилась мама.

Монстр тем временем еще ниже склонился над нами и еще шире разинул пасть. Он вполне мог проглотить целиком всю машину.

Люк вдруг захохотал.

— Во-о! Отпад! — захлебывался он.

И тут я тоже сообразила, что чудище ненастоящее. Это заводная кукла. Она держала в лапах объявление.

Запрокинув голову, чтобы лучше видеть через боковое окно, я поняла, что наша машина стоит возле этого объявления. А родители ничего не замечали и продолжали базарить из-за карты.

Я смотрела прямо в красные глаза чудища. Оно снова нагнуло голову и разинуло пасть. Потом пасть захлопнулась, и огромная башка слегка откинулась назад.

— Прямо как настоящее! — воскликнул Клай, тоже не сводивший с него глаз.

— Я сразу поняла, что это кукла, — солгала я.

Не признаваться же, что я чуть было не выпрыгнула со страху через крышу. В конце концов, я ведь самая спокойная из нас.

Опустив окно, я высунулась наружу, чтобы прочесть объявление в лапах чудища. Огромные лиловые буквы гласили:

«Добро пожаловать в Кошмарию, страну оживших ночных ужасов».

В левом верхнем углу стояла темно-красная стрелка с надписью: «Одна миля».

— Давай поедем, пап! — обрадовался Люк. — А, пап?

Он нагнулся вперед и обхватил руками спинку папиного кресла.

— Да ну, страшно... — нерешительно отозвался Клай.

Папа вздохнул и захлопнул дверцу бардачка. Надежда найти карту рухнула для него навсегда.

— Люк, оставь в покое мое кресло,— уныло сказал он.— Посиди спокойно, а?

— А в Кошмарию поедем? — не унимался брат.

— В какую еще Кошмарию? — удивилась мама.

— Первый раз слышу,— поддакнул папа.

— Всего одна миля отсюда,— умолял Люк.— Там так классно!

Чудище снова нагнуло голову к машине, тараща на нас глаза через открытую крышу. И снова поднялось.

— Не стоит,— ответила мама, разглядывая объявление.— В зоопарке гораздо интереснее. А там как-то неприятно.

— Нет! — отчаянно завопил Люк, вцепившись в спинку папиного кресла.— Там хорошо. То что надо!

— Люк, прекрати,— сказал папа.

— Ну правда, поедем, пап,— попросила я.— Еще неизвестно, найдем ли мы этот зоопарк.

Мама колебалась, покусывая нижнюю губу.

— Прямо не знаю,— недовольно сказала она.— В таких местах бывает небезопасно.

— Там не опасно! — уверял Люк.— Там вообще ничего опасного нет!

— Люк! Да что за наказание такое! — прикрикнул на брата папа.

— Поехали,— ныл тот, словно не слыша.

— Наверное, там интересно,— не отставала и я.— Если не понравится, всегда можно уехать.

Папа потер подбородок, вздохнул и наконец заключил:

— Ну, может, это и правда будет поинтереснее, чем торчать здесь весь день и препираться.

— Йа-а! — завопил Люк во всю мочь.

Мы с Люком навалились с двух сторон на Клая, чтобы дать друг другу счастливого тумака. В Кошмарии, наверное, сейчас прохладно, не то что здесь. И вообще, я люблю всякие ужасы.

— Если там такие же чудища, как это,— сказала я,— то можно не сомневаться, нам очень понравится!

— Ты думаешь, там не так уж страшно? — спросил Клай.

Я заметила, что он изо всех сил сжимает пальцы и опять стал похож на разбуженную сову.

— Нашел чего бояться,— небрежно ответила я.

Боже мой, как я ошибалась!

— Как-то не верится, что в такой глуши станут устраивать парк,— продолжал сомневаться папа, хотя мы уже давно неслись через бесконечно длинный лес.

Высокие вековые деревья смыкали свои ветви над узкой дорогой, почти совсем затмевая полуденное солнце.

— Наверное, парк еще только закладывают,— предположила мама.— Эти деревья, видимо, будут разреживать, а место благоустраивать.

Но мы трое очень надеялись, что это не так. Это и вправду оказалось совершенно не так.

Дорога резко свернула, и вскоре перед нами открылось огромное поле. Вдали виднелся длинный-предлинный лиловый забор с высоченными воротами. За забором простиралась Кошмария, и казалось, ей нет конца. Приглядевшись, я увидела петли дорог и странные бесцветные строения.

Папа направил машину к воротам. И тут раздалась тихая заунывная музыка, как на похоронах.

— У-у! — одобрил Люк.— У меня даже мурашки забегали.

Мы с Клаем воодушевленно закивали. Я уже не могла дождаться, когда мы выйдем из машины и увидим все своими глазами.

— Странно, что нигде нет ни души,— заметил папа, недоуменно оглянувшись на маму.

— Вот и хорошо, не надо стоять в очереди за билетами,— поспешно сказала я.

— Тебе, я вижу, здесь понравилось? — улыbnулась мама.

— И мне тоже! — вклинился Люк и в восторге треснул Клаю по плечу. Ему обязательно надо кого-нибудь щипать или тискать.